

Михаил Бабкин

**АХТИМАГ
НУЖНАЯ РАБОТА**

Цикл «Слимп»

**СЛИМП
СЛИМПЕР
СЛИМПЕРИЯ
СЛИМПЕРИАДА**

Михаил Бабкин

Нужная работа

Роман

Москва, 2013
€АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б12

Художник
В. Бабкина

Бабкин М. А.
Б12 Нужная работа: Фантастический роман.— М.: «Изда-
тельство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 346 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1401-7

Вы никогда не задумывались, что происходит с использованной магией? Хоть бытовой, хоть промышленной, хоть боевой? Или куда деваются утерянные амулеты, талисманы, обереги и прочие колдовские артефакты? Где находят свой приют останки незахороненных магов? Что случается с древними, всеми забытыми богами?

Не задумывался об этом и частный сыщик Марвин, пока не угодил в таинственную «Обитель черного дракона». В место, которого нет ни в одной из многих реальностей, но без которого они все скоро бы погибли...

Чтобы не случилось вселенской катастрофы, Марвин должен заняться совершенно непривычной для него работой. Бесплатной и смертельно опасной.

Но, главное, очень нужной!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1401-7

© Бабкин М. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Марвин бежал по темной, освещенной редкими свечными фонарями улочке.

Мошеная проезжая часть оказалась в ужасном состоянии, дыра на дыре, будто по ней прокатилась волна рабочей стачки. Где, как известно, каждый выломанный из мостовой булыжник есть главное оружие пролетариата. Хотя стачка тут явно была ни при чем: судя по отсутствию нормального газового освещения, здешние жители предпочитали не тратиться на ремонт общественных мест. Пусть даже на собственной улице и даже перед собственным домом.

Тем более что они, жители, наверняка привыкли ложиться спать пораньше, все ж рабочий квартал, а потому отсутствия уличных фонарей никого не беспокоило.

Ставни закрытых окон были такого же невзрачного цвета, что и фасады домов, отчего казалось, будто Марвин бежит между двумя высокими, уходящими в черное никуда глухими стенами. Что ожидало Марвина впереди, куда вела улочка, оставалось загадкой.

Двери домов тоже были заперты — Марвин попробовал толкнуться в одну, другую, понял, что это бесполезно, и побегал дальше, спасая свою жизнь.

Где-то сзади послышался далекий топот: преследователи наконец сообразили, куда свернул беглец, и теперь гнались за ним, не жалея сил. Или не сообразили, а воспользовались поисковым амулетом — уж кто-кто, а охранники казино могли позволить себе подобную магическую роскошь. Особенно если дело касалось немалых денег, украденных залетным шулером.

В роли шулера сегодня оказался Марвин: его прилюдно обозвали мошенником, демонстративно вынув из нагрудно-

го кармана пиджака особую кроличью лапку — запрещенный во всех игровых заведениях талисман гарантированного везения. Откуда взялась эта проклятая лапка, Марвин понятия не имел, а потому не приходилось сомневаться в том, что его кто-то подставил. Скорей всего нынешний заказчик расследования, снабдивший Марвина дорогим вечерним костюмом и деньгами для игры. Чтобы, значит, господин наемный сыщик не выделялся среди посетителей казино и тайно сделал свое дело. То есть выяснил, с каким игроком-мерзавцем встречается загулявшая жена господина заказчика и куда после с тем мерзавцем уезжает. Внешность, возраст, имя любовника, название гостиницы... Как можно больше подробностей и деталей. Рядовой заказ, обычная работа.

Вот только закончилась она сегодня слишком быстро и чересчур скандально.

Марвину надо было заподозрить неладное еще в самом начале, когда он для разминки занялся «одноруким бандитом» и с ходу получил на барабанах четыре семерки. Или хотя бы когда сыграл по маленькой в блэк-джек, взяв на первой игре полторы тысячи гульдов фишками. И уж совсем точно не надо было играть на рулетке, но азарт, азарт!

Поставленные на «семнадцать» осторожные сто гульдов тут же превратились в пятьдесят тысяч. Затем, на другом номере, пришли уже сто двадцать тысяч, а после триста с мелочью... Здесь-то Марвином и заинтересовалась охрана, ведь эти ребята никого не выпускают из поля зрения! Особенно новичка, который всего за час вынул из кассы заведения приличную сумму.

Кстати, хорошо, что касса оказалась близко к выходу. И что рассвирепевшие охранники затеялись бить Марвина одновременно, мешая друг другу, всерьез озлившись на совет идти куда подальше — с конкретным непечатным адресом. Чего Марвин, собственно, и добивался, потому что когда люди теряют голову, то от них гораздо проще удрать. Что он и сделал, успев выхватить из руки охранника кроличью лапку — не оставлять же владельцам казино вещественное доказательство! По судам затаскают, с них станется.

Если, конечно, поймают.

Фишки и обналиченные гульды оттопыривали карманы

пиджака. Вспомнив о выигрыше, Марвин на бегу вытащил пачку сотенных банкнот, содрал с нее резиновое колечко и с силой швырнул деньги вверх. Пачка улетела в беззвездное осеннее небо: через секунду в свете фонаря закружился тихий купюрный листопад, которого никогда на этой улице не было, да и не могло быть по определению. Подумав, Марвин для верности запустил к крышам еще пару пачек, после чего заорал во всю мочь:

— Деньги! Халява! Бери кто хочет! Сколько хочет! — Кинув за спину горсть ненужных фишек — все равно путь в казино закрыт навсегда, — он припустил дальше. Денег, конечно, было жалко до невозможности, но жизнь-то дороже.

Позади Марвина захлопали ставни окон, похоже, не все жильцы успели лечь спать. Почти сразу защелкали замки отпираемых дверей; на улице вдруг сталолюдно и очень шумно.

— Надеюсь, это хоть немного задержит костоломов, — оглянувшись на возникшую толчею, от души понадеялся Марвин.

Как оказалось, надеялся он зря — охранники без лишних церемоний проложили себе путь сквозь толпу пинками и зуботычинами. А после начали стрелять по убегающему. Вернее, в ту сторону, куда удирали беглец.

Стреляли охранники не прицельно, на всякий случай и куда придется. Белые шарики фаерболов с едким шипением прожигали ночную темноту, уносясь куда-то в дальний конец улицы и взрываясь там жарко-солнечными всполохами. Судя по яркости вспышек, использовались запрещенные для гражданских лиц армейские огнестрелы с усиленными спецзарядами, — каждый из которых мог с легкостью пробить насквозь пассажирскую самоходку. Нетрудно было представить, что случилось бы с Марвином, попади такой заряд ему в спину. Марвин и представил — после чего понесся дальше словно на крыльях.

Однако сил ему хватило ненадолго — сколько можно бежать без перерыва! Ноги стали будто ватные, неподъемные, Марвин начал все чаще оступаться на выбоинах — верный признак того, что нужно остановиться и хотя бы немного передохнуть. Но отдохнуть прямо здесь, на мостовой, было равносильно самоубийству. Вряд ли охранники обойдутся тем,

что отнимут у него выигранные деньги и основательно побьют, ох вряд ли. В лучшем случае искалечат до полной инвалидности, а в худшем... Ну, тут без вариантов.

Ситуация становилась отвратней некуда, врагу не пожелаешь.

И в этот момент Марвин увидел впереди, по левую сторону улицы, светящийся прямоугольник стеклянной двери. Что там находилось — работающий допоздна продуктовый магазин, дежурная распивочная или полицейский участок, — беглеца не интересовало. Главным было то, что у него появился шанс на спасение, пусть небольшой, но возможный; собрав остатки сил, Марвин доковылял до источника света. Остановился, тяжело дыша, прочитал написанное на висевшей рядом с дверью табличке, озадаченно хмыкнул. Впрочем, где ж еще находиться подобному месту, как не в рабочем квартале!

Сквозь толстое, наверняка бронированное, стекло (а какое еще может уцелеть в этих трущобах?) был виден темно-зеленый настенный экран с бегущими по нему белыми строчками и клавишная панель справа от него. Больше в комнатке ничего не имелось, ни стула, ни стола, да и зачем они в помещении, где, как правило, никто надолго не задерживается.

«Круглосуточный прием на срочную работу» — лаконичное объявление не сулило каких-либо перспектив, да этого и не требовалось. Тот, кто решался воспользоваться услугами кабины трудоустройства, прекрасно знал, на что идет. Марвин был наслышан о жутких условиях, в которые зачастую попадали завербованные таким способом, но выбирать не приходилось: он достал из-за пазухи висевший на цепочке паспортный жетон и приложил его к считывающему глазку под табличкой. Через секунду дверь приоткрылась, давая понять, что клиент может войти, что он признан вполне трудоспособным и подходит хотя бы для одной из заявленных в списке специальностей.

Глянув на близкие силуэты преследователей, Марвин топливо нырнул в кабину. Дверь за ним немедленно закрылась — плотно, герметично, надежно отгородив посетителя от всего происходящего на улице. Чтобы вошедший мог

спокойно, не отвлекаясь, ознакомиться со списком предложенных работ и выбрать наиболее подходящую. А дальше отстучать на клавишной панели код выбранной специальности и, подтвердив решение голосом, перенестись к месту службы.

Без выполнения этих действий дверь оставалась наглухо закрытой, при всем желании не выйдешь — хитрая уловка умников-конструкторов. Чтобы, значит, всякие-разные не устраивали в кабине общественный туалет или ночлежку: раз вошел, то давай делай выбор! И никак иначе.

Разумеется, Марвин вовсе не собирался что-то выбирать, подтверждать и куда-то переноситься. Ему нужно было только отсидеться за бронированной дверью, дожидаться, когда охранники уберутся восвояси, а после как-нибудь выбраться на свободу. Например, привлечь внимание первого утреннего прохожего и показать ему через стекло пару сотенных купюр, тот наверняка не поленился вызвать ближайшего полицейского — говорят, у них есть универсальные ключи как раз для таких случаев.

Конечно, здесь, в ярком свете потолочной лампы, Марвин был на виду, словно памятник народному герою посреди центральной площади. Но пока кабина занята и пока клиент не набрал номер, открыть ее снаружи с помощью другого личного жетона нельзя. Кстати об освещении — Марвин задрал голову, рассматривая матовый потолок. К сожалению, самосветная лампа оказалась защищена плафоном из небьющегося стекла, потому погасить ее ударом туфли не представлялось возможным. Что ж, философски решил Марвин, уж лучше со светом и за прочной дверью, чем в темноте и на опасной улице.

За спиной Марвина послышались глухие удары. Он оглянулся: разъяренные охранники со всей мочи били в дверь ногами, стараясь если не повредить стекло, то хотя бы выломать автоматический дверной замок. Ломали безуспешно — конструкторы уличной кабины знали, в каких местах ее будут устанавливать. А потому приложили максимум усилий, чтобы сделать ее антивандальной, то есть неразбиваемой и неразрушаемой.

Устав биться о дверь, охранники перешли к угрозам. Но

так как Марвин не мог их слышать — о чем сообщил, с озабоченным видом указав себе на уши, — они жестами стали показывать, что сделают с беглецом, если смогут до него добраться. Увиденное Марвину не понравилось. Поэтому он ответно показал, куда им следует идти, кем были их родители и кто они сами по природной сущности. Охранникам жестикуляция Марвина радости тоже не доставила, особенно последний пассаж: плюнув на бесполезные устрашения, они отошли подальше и открыли огонь по двери.

Тут-то Марвин сильно пожалел о своей несдержанности. Нет бы проигнорировать угрозы, отвернуться от мерзавцев с гордым видом, мол, плевал я на ваши ужимки, — глядишь, им бы и надоело заниматься пантомимой. А там, возможно, окончательно успокоились бы и ушли подбирать разбросанные Марвином деньги с фишками — если они, конечно, еще остались. Ну, или хотя бы отправились за подмогой, тоже какое-никакое, а дополнительное время... Однако дело было сделано.

Стекло залило ярчайшим пламенем; внутри кабины стало светло и жарко, как на морском пляже в знойный июльский день. Сколько могла выдержать дверь, Марвин не знал, но подозревал, что недолго.

— Я хочу устроиться на работу! — закричал он в горячее пространство. — На любую! Срочно, немедленно!

— Выбирайте по списку, — отозвался равнодушный механический голос. — Данные представлены на экране, будьте любезны.

— Какой, к черту, экран, — прикрывая глаза рукой, возмутился Марвин, — ни хрена ведь не видно, ослепнуть можно.

— Будьте любезны, — настойчиво повторил голос, — обратитесь к списку.

— Твою мать, — хрипло сказал Марвин, — вот же влип. — Он отыскал на ощупь клавишную панель, набрал свой восьмизначный номер инфосвязи, авось сойдет, и проорал: — Готово! Я выбрал, давай переноси меня!

— Выбор подтвержден, поздравляю, — оповестил голос, Марвин мог поклясться, что уловил в нем нотки сарказма. — Уборщик навоза низшей категории, контракт на пятнадцать

лет без права обжалования или увольнения. Внимание, включаю перенос к месту работы.

— Что? — ужаснувшись, закричал Марвин. — Никогда! Стой!

Но было поздно, перенос уже начался. Одновременно с тем лопнула перегретая дверь, взорвавшись тысячами мелких осколков и впустив в кабину фаербольный залп.

Последнее, что запомнилось Марвину, была расцветшая в стеклянном облаке удивительной красоты радуга. А еще — кучно летящие ему в грудь пять-шесть белых шариков, странно похожих на малое звездное скопление.

* * *

Каморка, в которой очутился Марвин, напоминала по размерам оставленную им комнатку трудоустройства. Только без экрана с наборной панелью и без двери.

Скорей всего это была приемная кабина, но изготовленная явно не в заводских условиях: пол, стены и потолок сделаны из неровных кусков листового железа — где прихваченного сваркой, где клепками, а где просто свинченного болтами. Казалось, что кабину собирали на свалке металлолома из того, что под руку попадет. Абы как, главное, чтоб побыстрее.

Железо было очень холодным. Марвин зябко переступил с ноги на ногу и только сейчас понял, что он совершенно голый. Мало того что пропала вся одежда и деньги, исчез даже его личный паспортный жетон. А это уже никуда не годилось.

— Издеваетесь, да? — раздраженно спросил он у дверного проема. — Мол, знай свое место, навозоуборщик низшей категории? Только учтите, — повысил голос Марвин, — я попал сюда абсолютно случайно и потому требую признать контракт недействительным! — Подождав с полминуты и не получив никакого ответа, Марвин решил все же выйти из кабины. Да и то, сколько можно стоять босиком на ледяном полу? Того гляди простынешь.

Как оказалось, никто Марвина не встречал. Влево и вправо от кабины тянулся бесконечно длинный коридор, тихий, сумрачный, с рядами высоких дверей и портретами бородатых старцев на стенах. Кое-где между портретами

тлели шары выдохшихся самосветных ламп, ничего толком не освещая, но создавая тягостное ощущение полной заброшенности. Дубовый паркетный пол, покрытый слоем пыли, лишь усиливал впечатление нежилого места.

Впереди, перед кабиной, находилась просторная лестничная площадка с двумя уходящими вверх и вниз мраморными лестницами, с затянутой железной сеткой лифтовой шахтой между ними. На закрытой дверце лифта поблескивала бронзовая табличка с мелким, нечитаемым издала текстом.

— Где это я? — недоуменно пробормотал Марвин, оглядываясь по сторонам. — На скотный загон точно не похоже. Заброшенный замок, что ли? Или коллективный склеп с портретами покойников? Ой не нравится мне это место, ой настораживает.

Однако отступить было некуда, не лезть же назад в холодную кабину.

Зацепив за что-то ногой, Марвин глянул вниз. Справа от дверного проема высился столик с пыльной стопкой запечатанных в целлофан комплектов одежды; внутри каждого пакета лежала бирка с размером, выбирай что тебе нужно. Под столиком виднелись матерчатые туфли, пять или шесть пар — обувь, скорей всего, тоже была разной по величине.

— Становится интересно, — заметил Марвин, беря подходящий комплект.

Серая футболка с черным драконом на груди и короткие, до колен, серые штаны на резинке напоминали спортивную форму, однако привередничать не приходилось. Подобрал по размеру обувку, Марвин вновь огляделся, соображая, куда идти, — не стоять же на месте истуканом. Хотя, если честно, бродить по унылому коридору ему совершенно не хотелось. Впрочем, как и спускаться-подниматься по мрачным неосвещенным лестницам. Оставалось только одно: подтянув сползающие штаны, Марвин подошел к дверце лифта.

На бронзовой табличке чернело строгое предупреждение: «Только для работников ОЧД». Марвин пожал плечами и надавил на кнопку вызова. Где-то далеко внизу, в шахтовой глубине, задребезжал едва слышный звонок; потарахтев

секунду-другую, он умолк. И, видимо, навсегда: как Марвин ни старался, как ни нажимал кнопку, на том дело закончилось — ни звонка, ни лифта. Ничего.

Марвин постоял возле двери, рассеянно потирая подбородок, но делать было нечего, пришлось вернуться в коридор. Потоптавшись возле приемной кабины, он принял решение — пожалуй, не самое умное и не самое уместное в здешней мертвящей обстановке. Приложив ладони ко рту, Марвин громко закричал:

— Люди-и, ау! Здесь есть хоть кто-нибудь? Черт с вами, я согласен на работу!

Прокатившийся по коридору вопль вернулся к нему невнятным эхом, больше похожим на заунывный стон. Марвин уже собрался было, плюнув на опасения, пойти куда-нибудь, да хотя бы по лестнице вниз, когда в левой части коридора началось странное, едва заметное движение.

Марвин замер, пытаясь понять, что происходит: и без того тусклые лампы потемнели, превратившись в призрачно дрожащие пятна света. Вдалеке, на грани видимости, закрубились нечто вязкое, тяжелое, напоминающее густой туман; из коридора потянуло ровным промозглым сквозняком. Неожиданно стало *слишком* тихо, навалившаяся тишина была гнетущей, как могильная плита, — казалось, что все звуки какие ни есть утонули в приближающихся клубах непонятно чего.

— Это еще что такое? — Марвин испуганно попятился, глянул в другую сторону коридора — оттуда надвигалась точно такая же напасть.

К счастью, он не успел запаниковать настолько, чтобы бежать сломя голову по лестнице, мало ли какие еще более страшные сюрпризы могли его там ожидать. Но и оставаться на месте было слишком опасно... Положение становилось безвыходным. Вернее, выход-то был, даже два, по количеству лестниц на площадке, но воспользоваться ими Марвину очень и очень не хотелось.

Внезапно Марвин почувствовал в кончиках пальцев нарастающий жар, будто их окунули в расплавленный воск. Он невольно посмотрел на ладони — увиденное потрясло его

настолько, что Марвин на миг позабыл о надвигающейся опасности.

Ладони мерцали наподобие коридорных самосветных ламп, а подушечки пальцев сияли почти дневным полуденным светом. Что это могло означать, отчего и почему случилось, Марвин не знал. Но совершенно инстинктивно он направил руки в стороны надвигающихся слева и справа вязких клубов: в тот же миг из пальцев со знакомым Марвину шипением вылетели белые шарики армейских спецзарядов. Исчезнув в завихрениях уже близкого тумана, они взорвались в его белесой глубине, расплескались огненными вихрями, выжигая дотла кисельно-вязкое нечто. Через несколько секунд все было закончено, коридор вновь стал унылым и скучным. Но главное — пустым.

Правда, кое-какие изменения произошли: теперь паркетный пол был идеально чистым, будто его тщательно отмыли, а настенные лампы словно подзарядились от буйной энергии вспышек и светили гораздо ярче. Висевшие меж дверей портреты не пострадали, но утратили академическую строгость, покосившись самым неподобающим для чопорных старцев образом.

— Елки-палки, что со мной? — в изумлении прошептал Марвин, рассматривая погасшие, нисколько не обгоревшие пальцы. — Ничего не понимаю. — Он вытер вспотевшие ладони о штаны. — Чудо, одно слово! Хотя и очень своевременное. Ну а теперь, думаю, можно... — Он не успел договорить: из лифтовой шахты донесся натужный звук поднимающейся кабины.

Медленно выплыв снизу, кабина поравнялась с дверью и с лязгом остановилась. Затем шелкнул дверной замок — в коридор, предварительно осмотревшись, вышел парень, схожий с Марвином и ростом, и возрастом. Приехавший держал в руке крепкую сучковатую палку с рогатиной-рукоятью: охваченная толстыми медными кольцами, палка напоминала то ли дубину, то ли рабочий жезл какого-нибудь деревенского колдуна-самоучки. Из числа тех, кто свято верит в свое могущество, пугая тем жезлом не желающих платить дань старух. Хотя, прямо говоря, на сельского колдуна парень ничуть не походил, скорее был похож на вольного

фрилансера — длинные, затянутые в хвост темные волосы, синяя куртка-ветровка с множеством карманов, линялые до белизны джинсы и потертые черные кроссовки. Под распахнутой курткой виднелась такая же, как у Марвина, футболка с драконом на груди.

— Привет, новенький! — помахивая окольцованной палкой, жизнерадостно поприветствовал Марвина парень. — Извини, что задержался, сигнал-то я получил вовремя, но в здешнем крыле лифт становится древней колымагой. Еле плетется, зараза. Ну, давай знакомиться, я — Далий, а тебя как зовут?

— Марвин, — отозвался Марвин, пытаясь с независимым видом сунуть руки в карманы штанов, но никаких карманов там предусмотрено не было. — Частный детектив, если чего. С практикой.

— Детектив — это хорошо, — горячо одобрил Далий, — у нас сыщиков еще не было, ты, значит, первым будешь.

— Навоз разгрести, да? — возмутился Марвин. — Нет, я уж лучше последним, после всех ваших вторых и третьих. Чтобы не слишком пачкаться.

— Какой навоз? — нахмурился парень. — Зачем? Ах да, — спохватился он, — тебе небось в кабине трудоустройства назначили? — И противно захихикал.

Марвину захотелось от души врезать ему по наглой физиономии, но дубинка с кольцами не позволяла.

— Лады, — успокоившись, сказал Далий, — после обсудим, кто там первый, а кто последний. Надо поскорее отсюда убираться, этаж-то заброшенный, сюда уже лет пятьдесят никто не заглядывал. За эти годы тут любая дрянь завестись могла — двери старые, ненадежные, сам понимаешь... Блин, и угораздило же тебя возникнуть именно в прототипе. — Далий ткнул палкой в сторону железной каморки. — Хлам, а не кабина.

— Прототип? — не понимая услышанного, переспросил Марвин. — В каком смысле?

Но жизнерадостный Далий уже отвлекся от разговора, с большим любопытством изучая вычищенный Марвином коридор.

— Обалдеть! — потрясенно воскликнул он. — Ты, что ли, постарался?

— Было дело, — неохотно согласился Марвин. — Оттуда, в смысле с обеих сторон, попер какой-то туман с холодом, а у меня из пальцев фаерболы сами собой полетели, армейские, с усиленным зарядом. Почему, понятия не имею. Но вовремя, прям как подгадали.

— Полетели потому, что ты здорово испугался, — снисходительно пояснил Далий, засовывая палку под мышку. — Значит, коридор чистый и посох ифрита нам не потребуется. Молодец! — Он одобрительно хлопнул Марвина по плечу, забыв убрать ладонь. — Надо же, с ходу — и в работу! В самую, так сказать, гущу событий. Это ты правильно, это по-нашему.

— Но почему именно фаерболы? — Марвин снял руку Далия с плеча, тот, похоже, не обиделся. — К тому же военного образца.

— Ты последнее что помнишь? — деловито поинтересовался Далий. — В смысле сразу перед переносом.

— За мной гнались, — поморщился Марвин, неприятные воспоминания были слишком свежими. — Стреляли из огнестрелов, как раз фаерболами. Взорвали дверь и чуть меня не убили. Я, к счастью, вовремя успел исчезнуть.

— Ошибаешься, — возразил Далий. — Не успел. Отсюда твоя способность метать огненные заряды. Очень, между прочим, удачный посмертный бонус. А меня ножом в кабине зарезали, тоже во время транспортировки, я теперь вот чего могу. — Он поднял правую руку, сжал пальцы в кулак: между костяшками, словно выброшенный пружиной, выскочил длинный и узкий, как у стилета, острый клинок. Выпрыгнул совершенно бескровно, не причиняя владельцу каких-либо болезненных ощущений.

Марвин ошалело уставился на стальной коготь, сказанное Далием не доходило до его сознания. Вернее, не хотело осмысливаться.

— Но с твоими способностями, конечно, не сравнить, — разглядывая клинок, с сожалением признал Далий. — Нож он и есть нож. Для ближнего боя нормально, а в остальном бесполезен, даже метнуть прицельно нельзя. Хотя если от-

крыть бутылку или там колбасу для закуски нарезать, то в самый раз. Короче, всегда под рукой. — Он рассмеялся нечаянному каламбуру. — Пойдем, — так же молниеносно убрав клинок, заторопился Далий. — Чего зря время тратить! Тебя в центре ждут, хотяг познакомиться — новенькие у нас большая редкость. — Он втокнул Марвина в лифтовую кабину, закрыл дверь и нажал одну за другой с пяток кнопок в разной последовательности; как ни странно, лифт поехал не вниз, а снова вверх.

В кабине было темно, свет шел только через грязное, забранное решеткой смотровое оконце в двери. Отчетливо пахло кошками и дешевым портвейном; кабина часто подрагивала под ногами, пугая неожиданной остановкой.

Зато тут было намного теплее, чем в коридоре.

Марвин прислонился к ободранной стенке, сложил руки на груди, прикрыл глаза. Немедленно захотелось спать, до такой степени, что он готов был лечь на грязный пол и тут же уснуть. Действительно, сколько всего произошло за один-единственный час: отчаянная погоня по ночной улице, ловушка с бронедверью, перенос невесть куда, затем нападение невесть чего. И конечно же сообщение о собственной смерти, в которой Марвин сомневался. Слишком оно было несуразно — умереть, чтобы сразу ожить. Хотя воспоминания о летящих в грудь взрывных шариках приводили к определенным, совсем не радостным выводам. От которых надо было срочно отвлечься, иначе хоть садись и волком вой.

— Я, когда на меня коридорная нечисть напала, думал по лестницам от нее сбежать, — глядя в окошко на проплывающие мимо этажные перекрытия, сонно сказал Марвин. — Не успел.

— Правильно, что не стал по ступенькам бегать, — одобрил Далий. — Там лестницы уже с пару веков сами на себя закольцованы, все равно ими никто не пользуется. Не убежал бы... Эй-эй, ты только не отключайся, — всполошился парень, — понимаю, что шок и всякое такое, но потерпи хотя бы минуту. Сейчас в другое крыло въедем, поновее, я тебе чего-нибудь бодрящего организую.

Марвин удивился сказанному, хотя удивляться уже вроде бы не мог, не было сил.

— Мы же вверх поднимаемся, — украдкой зевнув, произнес он, — какое крыло? Откуда бодрящее?

В старой, обшарпанной кабине не то чтобы аптечки, даже лампочки и той не было.

— Ну да, как бы вверх, — охотно поддержал беседу Далий. — А на самом деле может быть, что и вбок или вниз. Или вообще по диагонали, я до сих пор многих здешних фокусов не понимаю, хотя живу в особняке почти год. — Далий переложил из руки в руку посох, за ним протянулся заметный в темноте фосфорно-зеленый след.

— Ты сказал «особняк»? Или мне послышалось? — глядя на тающую полосу, поинтересовался Марвин.

Ответить Далий не успел — на потолке вспыхнула лампа, осветив преобразившуюся кабину: стены раздались в стороны, став зеркальными, с блестящими стальными поручнями. В воздухе запахло цветочным дезодорантом, одновременно в кабине зазвучала тихая ненавязчивая музыка.

— Я ж говорил, — обрадовался Далий. — Один момент. — Он поставил в угол мешающий посох и потянул за едва приметную ручку в стене, открыв мини-бар с несерьезно маленькими бутылочками. — Бери, — Далий протянул одну из них Марвину, — отличный коньяк, то, что тебе сейчас нужно. Смотри не проболтайся, — свинтив пробочку со своего пузырька, предупредил он. — Про самопополняющийся бар только я знаю, остальным оно не нужно, все равно лифтом редко пользуются. В основном меня в случае чего гоняют. — Он сделал глоток, зажмурился с довольным видом. Сказал, выдохнув: — Это у нас, стало быть, западное крыло, средний уровень. А если отправиться в восточное, на нижний, там вообще сказка, а не лифт. Представляешь — во кабина, — Далий развел руки, показывая размер, — диваны, дастархан, кальян! И, что самое приятное, на все согласная рабыня-лифтерша. Из числа навечно зачарованных гурий. — Он подмигнул Марвину, сказал: — Будем! — и, не отрываясь, допил коньяк.

Марвину сейчас было не до гурий, но выпивка пришлась как нельзя кстати.

— Да, вот еще что. — Далий сунул пустые бутылочки в бар. — Ты про свои фаерболы лучше помалкивай. Мол, ни-

чего не помню — кто убил, как убил, типа временная амнезия от потрясения. С расспросами сейчас приставать не будут, а после чего-нибудь придумаем.

— Это почему же? — лениво поинтересовался Марвин. Небольшая доза коньяка подействовала на него будто микстура от стресса, сделав происходящее не столь драматичным. Вернее, не слишком пугающим.

— Шеф у нас стрельбу не любит, — усмехнулся Далий. — Он из ученых-теоретиков, преподавал что-то там гуманитарное. Остальные тоже как бы мирных профессий. Могут не оценить.

— А ты, выходит, оценил? — не удержался от ехидного вопроса Марвин.

Далий посмотрел на собеседника серьезным взглядом, кивнул утвердительно:

— Конечно. Ты — сыщик, я — старшекурсник федеральной школы полиции, пусть и бывший. У нас совсем другой жизненный опыт, не кабинетный. Нам вместе держаться надо! Правильно я говорю?

Марвину не оставалось ничего иного, как тоже кивнуть в ответ. Собственно, ему сейчас было совершенно безразлично, кто тут главный, а кто в подчинении. И кто раньше был копом, а кто тихим ученым. Важно было понять, что это за особняк, и разобраться, что в нем происходит.

— А шефа вашего тоже? — Марвин чиркнул себя по горлу ладонью.

— Сердечный приступ, — небрежно отмахнулся Далий, — на улице нахамили. Стыдоба, а не смерть. У других не лучше, потому и бонусы соответствующие.

— Какие? — заинтересовался Марвин, но ответа не получил: лифт замедлил движение и приятный женский голос объявил что-то на незнакомом Марвину языке.

— После, — торопливо ответил Далий. — Приехали.

За раздвинувшимися дверцами оказался широкий коридор-тамбур с кафельным полом и арочным потолком, перегороденный через десяток шагов солидной каменной стеной. В стене, между парой длинных вертикальных ламп — похожих на самосветные, но излучающих непривычно желтый свет, — располагалась металлическая дверь. Не из тех

бытовых, которые ставят в квартирах предусмотрительные жильцы, а массивная, с блестящей нержавеющей поверхностью и черным отпечатком ладони по центру.

— Смерть-лампы, защита от агрессивных призраков, жрущей нечисти и прочих незваных гостей, — на ходу пояснил Далий. — Говорят, установлены еще в те лохматые времена, когда этого добра здесь было навалом. В общем, если попробуешь открыть дверь без права доступа, сгоришь заживо. Хотя тебе, хе-хе, не привыкать. — Он дружески толкнул Марвина плечом. — Шутка, не обращай внимания. У меня, понимаешь, особое чувство юмора. Своеобразное.

— Я заметил, — коротко отозвался Марвин, с опаской глядя на грозные смерть-лампы. О которых он слыхом не слыхивал, как и о меняющихся во время движения лифтах. У Марвина появилось тягостное подозрение, что он и впрямь умер, но попал не в какой-то дивный особняк, а в более соответствующее для умерших место. В рай или ад. Или в чистилище, это уж как повезло... Единственное, что не давало ему окончательно поверить в свое загробное существование, это услышанная в лифте фраза на неизвестном языке. Потому что на том свете все говорят одинаково, все друг друга понимают, будь то хоть карлик из непроходимых южных джунглей, хоть оленевод из заснеженных северных земель.

Далий приложил ладонь к черному отпечатку и трижды пнул стальную поверхность.

— Ногой обязательно? — шепотом спросил Марвин.

— Нет, — тоже шепотом ответил Далий, — это я для пущего эффекта. — Он тихо захихикал. Да, чувство юмора у господина недоучившегося полицейского было действительно очень своеобразное.

Дверная плита подалась вперед и уехала в сторону, открыв вход в просторный, скудно освещенный зал. Марвин без особого желания вошел туда следом за веселым проводником; дверь с пневматическим вздохом вернулась на место.

Лампы в помещении или окончательно выдохлись, или их нарочно отключили. Вместо самосветок зал освещали расставленные на полу в круг многочисленные свечи, отражаясь нимбом в далеком зеркальном потолке. Внутри круга высился длинный стол, за которым восседали четверо — лиц

Марвин не разглядел, одни лишь фигуры. Кресел или стульев перед столом не было, из чего Марвин сделал вывод, что беседовать с обитателями особняка ему придется стоя. Все это напоминало скорее не знакомство, а какой-то экзамен или допрос... Хотя кто знает, как тут заведено. Может, это необходимая процедура для новичков, своего рода знак вступления в братство? В любом случае Марвин не собирался подавать виду, что он озадачен. И даже отчасти напуган.

— Иди, — вполголоса приказал Далий. — Давай-давай, не дрейфь. — Он легонько подтолкнул Марвина в спину.

Между свечей темнел проход, туда Марвин и направился. Войдя в круг, он остановился перед столом — сложив руки за спиной, настороженно разглядывая устроившихся в креслах незнакомцев. Подоспевший Далий замер позади Марвина: то ли ему было не положено находиться вместе со всеми, что показывало его статус в местной иерархии, то ли доглядывал за новичком в роли конвоира.

По левую сторону сидел гражданин лет шестидесяти, до оторопи похожий на виденные Марвином портреты: обширная лысина, впалые щеки, седые усы и бородка, пенсне с колко поблескивающими стеклышками. Академический вид дополнял строгий костюм-тройка с совершенно неуместным золотым галстуком-бабочкой. По всей видимости, это и был тот самый шеф, о котором говорил Далий.

Рядом с шефом расположилась дама не самого цветущего возраста. Худая, в черном, наглухо застегнутом на все пуговицы мешковатом платье, с длинным лицом, брюзгливо поджатыми губами и круглым пучком волос на макушке, она напоминала монахиню, случайно заглянувшую в зал на свечной огонек. По привычке.

Следующим был мужчина лет под сорок — давно не стриженный, в старом свитере, с вислым носом и печальными глазами вечного неудачника. Марвин его не интересовал: мужчина с тоскливым видом смотрел куда-то вдаль, то и дело судорожно двигая кадыком. Наверное, именно из-за него Далий попросил не рассказывать о мини-баре в лифте.

Последней за столом сидела совсем молодая девушка. Даже, скорее, девочка-подросток — с накинутым на голову капюшоном легкой куртки, из-под которого выбивались ко-

роткие темные локоны. Ей Марвин, без сомнений, тоже был глубоко безразличен: девочка увлеченно крутила в руках пирамидку с подвижными, переливающимися цветными узорами гранями. Что она с нею делала, Марвин не понял, но пирамидка то вспыхивала, то гасла, а иногда еле слышно позванивала, точь-в-точь как серебряный колокольчик.

— Итак, господа, — хорошо поставленным голосом произнес шеф, — у нас неожиданное пополнение. Думаю, вы все успели рассмотреть прибывшего к нам... мнэ-э... волонтера. Теперь, уважаемая Жанна, — он повернулся к соседке, — дело за вами. Пожалуйста, приступайте.

— Жанка стерва та еще, — быстрым шепотом, будто театральный суфлер, пояснил стоявший за Марвином Далий. — Устраивалась на работу со своим инфошаром, тот оказался дефектным, взорвался и напрочь снес ей голову. С тех пор она, зараза, знает все и обо всех. В смысле знает то, что залито в информационную сеть.

Жанна встала. Глядя сквозь Марвина, она зачистила монотонной скороговоркой:

— Марвин Клай, двадцать семь лет. Брюнет. Рост средний. Образование среднее. Не женат. Родители разведены, проживают в разных городах. Частный детектив, конкретной специализации не имеет. Берется за любую приносящую доход работу. В методах и способах расследования беспринципен, но всегда выполняет заказ в оговоренный срок. Склонен к авантюрам...

Марвину оставалось лишь удивляться, откуда «монахиня» берет сведения. Сам он ничего личного о себе в инфо-сеть не выкладывал, это было бы глупо и непрофессионально. Скорей всего, у Жанны в ее бедовой голове имелся мощный поисковик, особая магопрограмма, которой снабжаются только дорогие модели инфошаров. Вот она-то, опознав личность Марвина, и собрала в единую подборку все найденное в сети. Как официальные, имеющиеся в государственных учреждениях сведения, так и личные отзывы бывших клиентов детектива.

— ...Обугленные останки идентифицированы по сохранившемуся паспортному жетону, — закончила доклад Жанна. Подумав, добавила: — Уничтоженная кабина трудоу-

ройства восстановлению не подлежит. Сообщение закончено. — Она села.

По правде говоря, Марвину стало жалко всеведущую госпожу докладчицу, уж слишком она была похожа на нечто механическое, неодушевленное. На самодвижную куклу в виде человека — из тех, что развлекают детвору на ярмарках за опущенную в них монетку.

— Спасибо, — поблагодарил ее шеф. — Очень, знаете ли, познавательно. Кратенько, но емко. Что скажут остальные сотрудники?

Остальные, носатый мужчина и девочка с пирамидкой, вопрос начальника проигнорировали. Промолчали, заняты своими делами.

— Скажите, мнэ-э, молодой человек, — шеф явно забыл, как зовут Марвина, — а как вы, собственно, погибли? Какой у вас посмертный бонус? В смысле необычное умение, если вы понимаете, о чем я говорю.

Далий несильно ткнул пальцем в спину Марвину, напоминая о запретных фаерболах.

Марвин нахмурился и прикусил губу, делая вид, что пытается припомнить хоть что-нибудь из случившегося с ним. Наконец сказал, виновато улыбаясь:

— Простите, я недавно очнулся, голова как чугунная. Ничего не соображаю... Может, после? Когда отдохну.

— Шеф, у парня шоковая амнезия, — подал голос Далий. — Кстати, когда я нашел его возле прототипа, там какая-то хрень из закрытых отсеков лезла. Типа туман или что другое, некогда было разбираться. Я, значит, пустил в дело посох и расчистил этаж, но надо бы проверить состояние печатей на дверях. Подновить, что ли.

— Разберемся, — уклончиво ответил шеф. — Говоришь, в прототипе воскрес? Чрезвычайно любопытно. — Он откинулся на спинку кресла, сложил руки на пиджачном животе. — Уникальный случай, да-с. При мне подобного ни разу не было. Я думал, что старая кабина не действует, но раз такое дело... — Шеф повернулся к Жанне. — Он теперь, получается, навсегда с прототипом связан, да? А если переадресовать на основной приемник? Технически возможно?

Жанна подумала секунду-другую, отрицательно покачала головой.

— Ладно. — Шеф вновь посмотрел на Марвина. — Понимаю, что у вас, мнэ-э...

— Марвин, — подсказал Марвин. — Впрочем, как хотите.

— ...много вопросов, — закончил свою мысль шеф. Услышал он реплику или нет, осталось непонятным. — Спрашивайте, я постараюсь ответить. Не на все, но на те, которые удовлетворят ваше любопытство. Остальное, так сказать, в рабочем порядке, со временем.

— Где я оказался? — Марвин повел рукой вокруг. — Что это за место?

— Вы прибыли в особняк «Обитель черного дракона». — Шеф скушаяще пошевелил пальцами. — Здесь наш зал собраний, для принятия важных решений. В остальное время сотрудники работают по личному графику, согласованному со мной. Еще вопросы?

— Да. — У Марвина их было множество, но задавать все не имело смысла, Далий после объяснит. — Для начала — как вас зовут? Ваше имя?

За столом произошло общее движение: и Жанна, и носатый гражданин, и даже отрешенная от происходящего девочка — они разом посмотрели на Марвина. Далий издал кашляющий звук, будто чем-то подавился.

— Вам которое хотелось бы знать? — любезно поинтересовался шеф, выпрямляясь и по-хозяйски кладя руки на стол. — Общепринятое или истинное?

— Какое-нибудь. — Марвин смутился, поняв, что нечаянно сделал глупость, нарушил какой-то местный запрет. — Общепринятое, наверное. На ваше усмотрение.

— Тогда зовите меня «шеф», как и остальные, — подчеркнул вежливо сказал шеф. — Марвин Клай, я помню. — Он снова откинулся на спинку кресла; Далий слышно выдохнул застрявший в горле воздух.

— Извините, — сказал Марвин. — Я понял. Можно дальше?

Шеф легонько кивнул. Мол, вполне дозволительно.

— Почему сюда попадают именно умершие в кабинках трудоустройства? Зачем? И вообще, что это за особняк та-

кой, с уровнями, печатями, меняющимися лифтами и смерть-лампами? Для чего он?

— Касаемо первого вопроса. — Шеф пожал плечами, по золотому галстуку скользнуло отраженное пламя свечей. — Никто, к сожалению, не знает. Мы стараемся выяснить, но конкретного ответа пока нет, есть только рабочие гипотезы. Скорей всего, кто-то внес особое изменение в программу работы тех кабин. Или сумел подключиться к их системе приема-передачи материальных тел. Или и то, и другое. Кто-то, кто был здесь до нас — иначе откуда взялся прототип, самая первая приемная кабина? Но, должен заметить, попадают сюда далеко не все умершие или погибшие, а лишь те, у кого был с собой какой-нибудь магический талисман. Слишком много условий, не правда ли? Но не я это придумал, не я реализовал.

Марвин вспомнил кроличью лапку, впопыхах сунутую в карман между пачками денег. Значит, вот почему он здесь! Кто бы мог подумать, что талисман везения дважды сыграет в его жизни роковую роль.

— По второму вопросу. — Шеф помолчал, обдумывая ответ.

В тишине вдруг звонко дилинькнула пирамидка; Жанна осуждающе посмотрела на девочку, но та ее взгляда не заметила.

— Особняк создавался многие столетия, — размеренным лекторским тоном начал шеф. — Причем без привлечения какой-либо рабочей силы. Можно сказать, нерукотворно, магически. — Он снял пенсне, потер уставшую переносицу. — Возник вынужденно, сам по себе, но человеческими заботами, да-с. Вернее, трудами всяческих чародеев, колдунов, волшебников, друидов, шаманов и прочих умельцев. Которые понятия не имели, что они невольны творят. Потому как любая магическая деятельность имеет обязательные последствия... мнэ-э... в виде эфирно-магических отходов, так сказать. Вот эти-то эфирные шлаки, — шеф вернул пенсне на место, — и собраны здесь, в особняке. Какие-то уже утилизированы, какие-то в процессе накопления. Какие-то заперты в бункерах-хранилищах до поры до времени. Все как в реальной жизни, где любой крупный город имеет раз-

виту систему канализации, а на ее выходе — очистные комплексы. Дабы не загрязнять реки и не губить окружающую природу.

«Проклятая кабина, — вспомнив о назначенной ему специальности, с ненавистью подумал Марвин, — накаркала, сволочь. Чтоб ты сгорела! Ах да, уже...»

— Мы, избранные трагической случайностью, — с нажимом сказал шеф, — являемся обслуживающим персоналом этого воистину глобального очистного сооружения. Мирового, а то и многомирового масштаба!

— В смысле сюда не только наше магодерьмо стекает, но еще и из других миров подкачивают? — сообразил Марвин. — Ого! Серьезная проблема.

— Грубо, но по сути схвачено верно, — бесстрастно согласился шеф. — Особняк расположен на стыке тех измерений, где используется одинаковая магия и производятся более-менее одинаковые отходы. Для комплексной обработки, так сказать. Ну-с, пожалуй, это все, что вам пока необходимо знать.

— А есть еще что-то, чего мне знать не положено? — насторожился Марвин, но ответа не получил. Разве что Далий опять ткнул его в спину, намекая, чтобы он не зарывался.

— В общем, кандидат вроде бы приемлемый, — повернувшись к Жанне, вполголоса подвел итог шеф. — Молодой, бойкий. Наглый. Думаю, имеются перспективы роста. Утверждаем?

Жанна неопределенно повела плечом — то ли да, то ли нет, на ваше усмотрение, начальник.

— Решено. — Шеф встал. — Марвин Клай, вы принимаетесь в «Обитель черного дракона». Первая ступень посвящения, испытательный срок месяц. Надеюсь, вы впишетесь в наш коллектив, это здесь главное... Далий, ты назначаешься старшим, введешь стажера в курс дела. Особо не перегружай, пусть привыкнет, осмотрится. Подбери ему на этажах соответствующую комплектовку, ну, ты знаешь, о чем я.

— Есть, шеф! — молодежато козырнул Далий. — Организую в лучшем виде.

— Погодите, — предупреждающе поднял руку Мар-

вин. — А если я не желаю? Может, я не хочу в ассенизаторы, даже в колдовские. Что тогда?

— Тогда? — поднял брови шеф. — Тогда вы просто будете нам мешать. А тот, кто нам мешает, изолируется. Поверьте, у нас есть замечательные комфортабельные помещения, где человек может прожить долгую, полноценную, насыщенную событиями жизнь и быть счастливым до глубокой старости. До естественного ухода в бесконечный путь. Но это будет, гм-гм, несколько ненастоящая жизнь. Потраченная впустую.

— Я согласен, — не раздумывая сказал Марвин. — Хорошая работа, нужная.

— Вот и славно, — одобрил шеф. Он достал из бокового кармана пиджака небольшой планшет с белым, ровно светящимся экраном, положил его на столешницу и пододвинул к Марвину. — Прижми ладонь, — переходя на «ты», потребовал шеф, — необходима регистрация допуска. Чтобы тебя смерть-лампы не сожгли. Да и лифтами можно было пользоваться.

— Я думал, у вас только один лифт, — прикладывая руку к белой поверхности, заметил Марвин.

— Не у вас, а у нас, — поправил шеф, забирая со стола планшет с темно-серым отпечатком ладони. — И лифты, и этажи, и проблемы. Ничего, скоро ознакомишься. Далий, — он показал пальцем куда-то в темноту, — отведи Марвина в буфет, накорми. После организуй ему ночлег... мнэ-э... да хотя бы у себя, пусть выспится. Завтра обдумаем, куда его поселить.

— Шеф, у меня соседний номер свободный, — подсказал Далий. — Немного прибрать, наладить климат-контроль, и будет вполне сносно.

— Можно, — не стал возражать шеф.

Далий подхватил с пола одну из свечей, приглашающе махнул рукой: Марвин вышел из круга и, озабоченно похмыкивая, направился следом за старшим. Ему много чем приходилось заниматься в жизни, далеко не в белых перчатках, однако он твердо знал, к чему стремиться — к успеху, славе, богатству.

Но быть магическим дерьмочистом Марвин никогда не планировал.

ГЛАВА 2

Марвин проснулся и некоторое время лежал с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить тревожный сон. Однако воспоминания были смутными и отрывочными: единственное, что осталось в памяти, это ощущение опасности. То ли Марвин преследовал кого-то, чтобы убить, то ли, наоборот, кто-то охотился за ним с той же целью — больше не вспомнилось ничего. Впрочем, Марвин мало придавал значения ночным видениям, какими бы они ни были. В вещие сны прагматичный детектив не верил, да и не приходилось их ему видеть. Обычно Марвину снилось что-нибудь нейтральное, скучно-бытовое; кошмары случались редко и, как правило, только во время какого-нибудь расследования. Когда оно заходило в тупик.

Пора было вставать, приводить себя в порядок и идти в съемную контору, ждать очередного заказчика. Отдых, конечно, дело хорошее, но, как говорится, волка ноги кормят: Марвин сбросил одеяло, сел и открыл глаза. Осмотрелся, не понимая, где он, куда подевалась привычная домашняя обстановка, лишь затем вспомнил вчерашнее.

— Твою мать, — уныло сказал Марвин, — то-то мне всякая бредятина снилась. Ну, с добрым утром, гражданин покойник, он же ученик-стажер. — Шлепая босыми ногами по теплomu, с подогревом, мраморному полу, Марвин отправился в ванную.

Далий еще спал, затерявшись где-то среди подушек на громадной, с парчовым балдахинoм, резной кровати — более соответствующей королевской спальне, чем комнате рядового ассенизатора. Тем более находившегося на той же первой ступени посвящения, что и Марвин.

Ванная комната еще вчера поразила Марвина своей бессмысленной роскошью и помпезностью. С мозаичными рисунками на стенах, небесно-голубым самосветным потолком, просторным туалетным отсеком, сауной, плавательным бассейном и гулким эхом — она была не то что неуместна, а просто нелепа в подобном месте. Хотя, что говорить, вызывала некоторую зависть.

Номер, где жил Далий, был под стать ванной комнате: громадный, а потому неуютный, он напоминал по убранству

дворцовый зал. Скорей всего приемный, где пышность — одно из условий оформления интерьера. Марвин едва не заблудился, отыскивая в потемках «гостевую», как назвал ее Далий, кровать. На которой запросто можно было разместить не только стажера, но и еще пару человек в придачу.

Вчера Марвин был слишком усталым, чтобы расспрашивать Далию о местном житье-бытье, упал в сон как в омут, хорошо хоть раздеться успел. Что ж, именно этим он сегодня и займется, решил Марвин, заходя в туалетный отсек. Зашел и замер, остолбенело глядя то на блестящую золотом раковину с серебряным краном-гусаком, то на пристроившийся неподалеку от нее такой же золотой унитаз. Насколько он помнил, вчера здесь была самая обычная фаянсовая сантехника. Качественная, но не драгоценная.

— Час от часу не легче, — пробормотал Марвин. — С ума сойти. — После чего воспользовался золотыми изделиями по назначению.

Перед уходом Марвин ополоснулся в бассейне. Ругаясь, натянул липнувшие к ногам штаны и, на ходу приглаживая мокрые волосы, вернулся в номер.

Далий уже проснулся, выбрался из подушечного завала на край безбрежной кровати — где теперь громко, с собачьим прискуливанием, потягивался. Увидев Марвина, он радостно крикнул: «Общий физкульт-привет! Моя очередь», — и потрусил в ванную. На предупреждение о том, что в туалете сегодня другая сантехника, Далий лишь беззаботно махнул рукой, сказав: «Какая, блин, разница». Похоже, для него случившееся было в порядке вещей.

Марвин озабоченно почесал в затылке — что ж, еще одна загадка в общем списке непонятного. Ничего, разберется. Всему свой срок.

Он прошелся по номеру, бесцельно открывая многочисленные шкафы, тумбочки и комоды — в основном пустые, пахнущие заводским лаком, в которых никогда ничего не хранилось. В конце концов Марвин обнаружил шкаф, битком набитый новой, аккуратно развешенной на плечиках одеждой разных фасонов. И это при том, что хозяин номера ходил в старой, ношеной одежде и в потертых до драных клякс кроссовках.

«Одно из двух, — решил для себя Марвин, — или Далию безразлично, в чем ходить, или вещи появились сами по себе, ночью. Как в случае с ванной комнатой».

Так или иначе, но грех было не воспользоваться удачной возможностью. Да и то, не бродить же по особняку в гостевой униформе, с черным драконом на груди. Как-никак, но Марвин теперь был штатным сотрудником с назначенным обеспечением — или что там ему нынче полагалось по работе.

О зарплате, к сожалению, говорить не приходилось.

Вся примеренная одежда оказалась Марвину впору, словно ее специально для него шили. Лишь одно портило радость обновки — то, что на майках, рубашках и свитерах присутствовал силуэт дракона. Марвин без сожаления вернулся на место броские наряды — перед кем красоваться, перед Жанной, что ли? — оставив практичные черные джинсы, темно-серую рубашку и черную же куртку. Серую рубашку пришлось взять потому, что подходящей по замыслу черной в шкафу не оказалось. Наверное, из-за того, что на ней не был виден общепринятый дракон. А делать силуэт белым, скорей всего, название особняка не позволяло.

— Хотел бы я знать, откуда тут мебель, носильные шмотки и кто готовит еду в буфете, — одеваясь, сказал Марвин. — И кто по ночам меняет сантехнику. Я понимаю, если бы ее сперли, нормальное дело, но монтировать новую, позолоченную? Дурацкое пижонство.

Он с сомнением оглядел развешенные на дверце галстуки и решил, что обойдется без них. Даже если они обязательны для повседневного ношения. У Марвина был случай, когда его чуть не удавили шейным платком, с тех пор он сильно недолюбливал эту деталь мужского гардероба.

Вернувшийся из ванного зала Далий — с каплями воды на плечах и с не собранными в хвост мокрыми волосами — был похож на свежего утопленника, только что поднятого из реки. Бодрога такого, жизнерадостного, пахнувшего зубной пастой и хорошим одеколоном. Увидев раскрытый шкаф с одеждой, он восторженно сказал: «Ни фиги себе!», после чего немедленно полез осматривать-ощупывать вещички, примеряя наиболее понравившиеся.

— Слушай, — глядя на увлекшегося Далия, как бы не-

взначай поинтересовался Марвин, — а разве ты не знал, что у тебя есть такой «ни фига себе» гардероб?

— Нет, конечно, — глухо отозвался из платяного нутра Далий. — Сам видишь, сколько тут шкафов, запаришься каждый день проверять. Да и лениво мне... Это ты удачно досмотр устроил, очень вовремя. — Он ухватил в охапку выбранные одежды, отнес их на кровать.

— То есть ты хочешь сказать, что вещи в шкафах появляются сами по себе, причем непредсказуемо? — уточнил Марвин, заранее зная ответ.

— Конечно, — забрасывая в шкаф свои старые джинсы, согласился Далий. — Это же «Обитель черного дракона», а не просто так. Можно сказать, натурально живой особняк, в котором все время что-то происходит, меняется. Ну, как в любом живом организме. — Он захлопнул дверцы шкафа.

— Можно взглянуть? — Марвин отодвинул Далия, открыл дверцы и отчего-то нисколько не удивился, обнаружив, что шкаф пуст. — Чертовски убедительно. — Марвин с некоторой опаской посмотрел на колдовской ящик. — Впечатляет. Значит, говоришь, особняк живой? Тогда ясно, что произошло с сантехникой... Кстати, если не ошибаюсь, на стенах ванной вчера был другой мозаичный рисунок?

Далий пожал плечами.

— Ха, откуда мне знать, я там стены не разглядываю. Пришел, сделал дело и ушел. Картинки как картинки, цветные, что еще нужно. — Он выдернул из кучи новые джинсы. — Повезло, что у нас размер одинаковый, — оценивающе глянув на Марвина, отметил Далий. — Интересно, а для кого, собственно, предназначалась одежда, для тебя или меня? Э, все равно. Да, и еще... — Далий махнул рукой в сторону королевского ложа. — Там под кроватью запас нормальной, не тряпичной обуви. Выбери что-нибудь, и пойдём. Сначала в буфет, а после на этажи, будешь с особняком знакомиться. Или он с тобой, хе-хе.

— К начальству разве не надо? — Марвин, стоя на четвереньках, пошарил рукой под кроватью, нащупал выставленную в ряд обувь. — Инструктаж, пожелания, напутствия. Ценные указания, в конце концов.

— Чудак-человек, — развеселился Далий, — вчера уже

были и пожелания, и ценные указания. В общем, я без всяких напутствий знаю, что нам делать, потому лишний раз беспокоить шефа не будем. Не любит он этого, раздражается.

— Кстати о шефе. — Марвин выбрал кожаные сандалии, стряхнул с коленей пыль и сел на кровать, переобуться. — С чего это он на меня взъярился, когда я про имя спросил? Будто от этого что-то важное зависит.

— А, не обращай внимания, — надевая кроссовки, посоветовал Далий. — Здесь у каждого свой бзик, сам скоро поймешь. У шефа, например, типичная паранойя на предмет тайны его имени. Считает, что если кто-то узнает, как он звался при жизни, то этот кто-то сможет им управлять — скажем, насрать на шефа порчу или заставить плясать под свою дудку. В общем, больше про имя не спрашивай, а то может случиться неприятность. — Далий надел куртку, вытащил из-под матраса запрятанный туда посох ифрита. Постучал им легонько по полу, прислушался к загудевшим медным кольцам и вроде бы остался доволен услышанным.

— Какая неприятность? — полюбопытствовал Марвин, вставая с кровати: сандалии оказались впору, нигде ничего не жало. Действительно, повезло, что у него с Далием одинаковые размеры одежды и обуви. Прямо-таки братья-близнецы, а не сотрудники.

— Шеф ведь от разрыва сердца умер, — охотно пояснил Далий. — Потому запросто может устроить тебе сердечный приступ, а то и небольшой инфаркт. Такой, понимаешь, у него посмертный бонус.

— Ну ты, гражданин начальник, даешь, — опешил Марвин. — А говорил, мол, ерунда, ничего особенного. Веселенькое дельце, однако.

— Это ж только если шефа сильно огорчить, — резонно возразил гражданин начальник. — Довести до нужного состояния. А ты не доводи, и будет тебе спокойная жизнь, светлая и восхитительная. Местами типа.

— Несомненно, — буркнул Марвин. — Ладно, пошли куда собирались.

— Тогда в буфет! — скомандовал Далий.

Они вышли из номера, который — как убедился Мар-

вин — не запирался. Только дверная ручка-щеколда и никаких иных замков, входи кто хочет.

Буфет, по вчерашнему сонному впечатлению Марвина, роскошью не поражал.

Не поразил и сегодня: стандартное помещение, кафешка-забегаловка, каких Марвин повидал во множестве. С той лишь разницей, что тут не было обслуживающего персонала — ни медлительных официанток в форменных платьях, ни повара, маячащего белой курткой в окошке выдачи. Как, впрочем, не было и самого окошка.

Маленький, по-своему уютный зал с парой осветительных шаров на потолке. По левую сторону вдоль стены полдюжины столиков с плетеными креслами; чистый, покрытый линолеумом пол. В дальней части зала рукомойник, а неподалеку от него урна для использованной одноразовой посуды.

По правую сторону высились металлические шкафы-стеллажи со стеклянными дверцами и набором закусок на полках. К сожалению, все представленные блюда были порционными и холодными, по принципу «съел — ушел». Никакой гастрономической изысканности, сплошная функциональность.

Марвин взял картонную тарелочку с нарезанной бужениной, пару неопознанных им салатов и пакет апельсинового сока. Сказав с отвращением:

— Не еда, а какая-то заправка для желудка, — он уселся за столик. Выбрал из стоявшего на столе лотка со столовыми приборами пластиковую вилку и начал «заправляться», не ожидая замешкавшегося у стеллажей Далия. — И не скучно вам так... мнэ-э... питаться? — с начальственной интонацией шефа поинтересовался Марвин у севшего напротив Далия. — Заметь, я не говорю «есть», «кушать» или «харчить», а именно питаться. То есть принимать пищу. Потреблять калории.

— А чего? — не понял Далий. — Меня, например, вполне устраивает. Хочешь что-нибудь повкуснее салата — ну и закажи, получишь. — Он снял крышку с принесенного судка, над столом тут же запахло горячим рассольником. Или чем-то другим, но однозначно наваристым, со специями.

— Здорово, — откладывая вилку, обрадовался Марвин. — Где взял? Давай показывай. А то я уже решил было, что в вашей богдельне вечный пост. Ошибся, но удачно!

— Сиди уж, — Далий ухватил за рукав встающего Марвина, — все равно ничего не получишь. Надо, понимаешь, загодя личное меню придумать, можно на день, можно на неделю вперед. Записать и оставить на столе: кому надо, тот найдет, прочтет и, хе-хе, учтет. Ей-ей, настоящие стихи получились, — восхитился Далий. Глянул на помрачневшего Марвина, пододвинул к нему судок. — Ешь-кушай-харчи, не стесняйся. Мне что-то расхотелось. — Подмигнув Марвину, он забрал себе невзрачные салаты.

— Благодетель, — вздохнул Марвин, беря из лотка ложку, — что бы я без тебя делал? — И принялся есть: в судке действительно оказался рассольник.

Перед уходом Марвин потребовал у Далия ручку, из-за отсутствия бумаги записал свое завтрашнее меню на обратной стороне картонной тарелки. Далий прочитал написанное, похмыкал, сказал, что он таких названий слыхом не слыхивал, наверняка эстетские ресторанные блюда. И вообще, нечего выпендриваться, лучше заказать что-нибудь понятное, общепринятое, а то вдруг получишь такое, что в рот взять противно. Марвин возразил, Далий ответил, беседа о ресторанах, кто в каких бывал, они направились к выходу.

Перед дверью Марвин оглянулся: тарелки на столе уже не было.

В зал собраний они не пошли, свернули в малоприметный ход, который Марвин вчера не заметил. Ничем не примечательный коридор — без портретов, дверей и окон, только крашенные зеленой краской стены — навевал тоску. Создавалось впечатление, будто Марвин попал в какое-то казенное учреждение с ожидаемым впереди лабиринтом грязных коридоров, лестниц и мрачных тупиков с пожарными выходами.

— А почему не на лифте? — скучая, спросил Марвин. — Шеф говорил, тут их несколько.

— Будут лифты, — успокоил его Далий, — но потом, сейчас ножками придется. На тот этаж, куда нам надо, лифт не ходит. Вернее, ходит, но проскакивает мимо. Во всяком слу-

чае, когда я в нем еду. — Далий, вспомнив, что он старший в группе и должен обучать подчиненного, указал рукой куда-то в тускло-зеленую даль. — Запоминай дорогу, стажер. Ясен пень, что сразу в голове не отложится, поэтому поглядывай по сторонам, в нужных местах нарисованы меловые стрелки с надписями.

— Ты, что ли, рисовал? — зевнул Марвин. — Художественный наш. Модернист, елки-палки.

— Не перебивай, — строго потребовал Далий. — Коридоры время от времени изменяются, куда денешься, но основные элементы остаются: типа окраска стен, количество дверей. Ну и всякое нарисованное на стенах тоже. — Он захихикал по непонятному Марвину поводу.

Марвин с подозрением глянул на спутника, но промолчал.

Коридор закончился перекрестком с двумя уходящими в разные стороны туннелями: левый был арочный, со стенами тревожного красного цвета, гладкими черными дверями и с чем-то огненно-алым в далеком, едва различимом конце пути. Правый же опасений не вызывал — обычный коридор с паркетным полом, длинными бархатными занавесями на стенах и конечно же с обязательными дверьми. Привычными, непугающими.

— Нам направо. — Далий заглянул в багровый коридор, поехал. — Хреновое место. Я туда только по приказу хожу, да и то — гляну на печати и бегом назад.

— А что там такое яркое? — Марвин прищурился, стараясь разглядеть. — На дверь не слишком похоже. Окно, что ли?

— Черт его знает, — занервничал Далий. — Никакого желания проверять. Авось посветится да и погаснет... Пошли-пошли. — Он подтолкнул Марвина к менее опасному ходу. — И учти, окон в особняке нет. Двери, коридоры, проходы, залы — этого добра валом. А окна в проекте не предусмотрены.

— Тогда для чего шторы? — не поверил Марвин.

Он остановился, с любопытством заглянул за ближайшую тяжелую занавесь: под ней, на глухой стене, тлели синим завораживающим светом неизвестные Марвину письма, то ли магические, то ли изначально нечитаемые, вроде древних пиктограмм. Исписанный от пола до потолка учас-

ток стены напоминал страницу гигантской книги — тайную, нарочно закрытую от случайного взгляда.

— А вот этого делать не надо. — Далий резко отдернул Марвина от занавеси, осторожно поправил материю посохом. — У нас уже был один, тоже на руны любил глазеть. Типа изучал... Теперь в запертой комнате иллюзий живет. И кричит все время, а чего кричит, не разобрать. — Он зашагал дальше, сердито стуча посохом по полу.

— И много у вас таких, в комнатах? — сдавленным голосом спросил Марвин; оглянувшись на ходу, он успел заметить, как медленно колыхнулась потревоженная им штора. Словно ее сквозняком изнутри тронуло.

— Хватает, — остывая, буркнул Далий. — Работа у нас специфическая, рискованная. Запомни: не суй нос куда не надо, не касайся того, чего не знаешь, не делай того, чего не понимаешь. Короче, будь осторожен.

— Спасибо, отличный инструктаж, — поддакнул Марвин. — И главное, очень своевременный.

Далий с довольным видом похлопал стажера по плечу.

— Правильно критику принимаешь, молодец. — Язвительности в реплике Марвина он не уловил.

Шагов через двадцать коридор свернул вправо, уткнувшись коротким тамбуром в эскалатор с ползущими ввысь металлическими ступенями. Белые трубки потолочных светильников выглядели похожими на смерть-лампы, но, как надеялся Марвин, только лишь формой. А не свойствами.

— Опаньки, какой милый сюрприз. — Далий из-под козырька ладони посмотрел вверх, оценивая длину эскалатора. — Вообще-то здесь, как правило, обычная лестница, — спохватившись, пояснил он Марвину, — но сегодня нам повезло, не придется ноги бить. — Он встал на ступеньку, положил на плечо мешающий посох. — Еще минут пять, и мы на месте.

Эскалатор медленно повез пассажиров к известному только Далию этажу.

Над головой тихо гудели лампы, под ногами едва слышно поскрипывали ступени. Казалось, что время внезапно стало таким же неторопливым, как и бесконечный подъем; минуты тянулись и тянулись, растянутые долгими секундами.